

EUROPA ORIENTALIS 41 (2022)
ЕЩЕ РАЗ О ПОЭТИЧЕСКОМ ОТКЛИКЕ ВЯЧ. ИВАНОВА
НА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКУЮ ВОЙНУ

Геннадий Обатнин

Названия войн в международной и национальной традициях порой различаются и имеют свою историю. Отечественной в дореволюционной России называлась война 1812 года с Наполеоном, а Первая мировая в ранней советской историографии и бытовом словоупотреблении именовалась империалистической. Первыми откликами Иванова на нее были, как уже указывалось в научной литературе, стихотворение “Суд” – опубликовано только в первом номере “Аполлона” за 1915 год, – “Недугующим” – в шестом номере (вышел 14 декабря) только что основанного “Отечества”, – а также “Убеленные нивы” – в следующем, рождественском, седьмом номере того же журнала.¹ Кроме того, в декабрьской (12-й) книге “Русской мысли” появился цикл из трех стихотворений под названием “На Оке – передвойной”, написанных, как это было обозначено уже в этой публикации, 12, 16 и 18 июля 1914 года соответственно (III, 833). Этот цикл задавал характерное для катастрофических эпох восприятие исторического времени до и после события. Х. Баран считал его “[с]амыми ранними и, пожалуй, лучшими “военными” стихотворениями Иванова”.² Однако в таком случае не ясно, почему из этого списка выпало дружеское послание “Другу поэту”, опубликованное в десятом (декабрьском) номере “Аполлона” за 1914 год.

Послание к Ю.Н. Верховскому тем интереснее, что носит метатекстовый характер, так как посвящено разъяснению того, почему поэт до сих пор не мог сочинять художественные тексты о войне. В терцетах этого сонета можно теперь легко разглядеть переживания очевидца катастрофы апокалиптического масштаба:

¹ Баран Х. Первая мировая война в стихах Вячеслава Иванова // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования / Ред.: В.А. Келдыш, И.В. Корецкая. М., Наследие, 1996. С. 172. Их анализ см.: Hellman B. Poets of Hope and Despair. The Russian Symbolists in War and Revolution, 1914-1918. Leiden-Boston, Brill, 2018. P. 94-95.

² Баран Х. Первая мировая война в стихах Вячеслава Иванова. С. 171.

1. Молчал я, брат мой, долго; и теперь,
2. Струнами овладев, бряцаю мало.
3. Как было петь? Единому внимало
4. Все существо веленью: “виждь, и верь!”
5. Завеса тронулась; разверзлась Дверь –
6. И Таинство вселенское предстало.
7. Я созерцал иных времен начало
8. И слышал голос: “храм и двор измерь!..”
9. Века прошли с предлетней нашей встречи
10. И в миг один, как хартия, свились.³
11. От звезд недавних – о, как мир далече!
12. В эфир иной мы вдруг перенеслись,
13. Себя самих вчерашние предтечи...
14. Хочу пророчить; Муза мне: “молись!” (IV, 24).

Оба кватрена и второй терцет этого сонета (строки 4, 8 и 14) заканчиваются указанием на некий голос, который в конце назван голосом Музы. Хранящаяся в московском архиве тетрадь Иванова с произведениями конца 1914 года содержит также и несколько автоматических записей (на латинском и русском языках) контактов с “Лидией”, в одной из которых, датированной 21 октября, она сообщает, что покровительствует его Музе: “Lydia tibi faveo Musae tuae Segnere <Signare?> vocem divinam <...>⁴. В другой, недатированной, содержится рассуждение о войне: “<...> Bellum edoceri oportet occulte tuam mentem a me lauro accensa fieri a Satana ut detur licentia in patria nostra daemoniis eis quae nos ad neces faciendas stimulato <?>. Quae non aliter vincuntur nisi Nomine Jesu Christi Itaque Sanctum Nomen saepuis memorato <?>. / Per tenebras ad Lucem nobis non amphiis <?> est iter longum. Vincimus vincimus vincimus feliciter <...>⁵. Собственно, тех велений, о которых Иванов сообщает в своем

³ Образ свивающегося, как свиток, небесного свода см. Откр. 6: 14; клятву Ангела, что “времени больше не будет”, см. Откр. 10: 6. Судя по прочим словоупотреблениям слова *хартия*, Иванов воспринимал его в исходном значении греческого слова как лист папируса (ср. хотя бы в стихотворении “Примитив”, 1912).

⁴ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 3. Ед. хр. 26. Л. 15. “Лидия тебе: покровительству Музе твоей Обозначать <?> божественный голос <...>” (лат.)

⁵ Там же. Л. 32-32 об. “Мне следует тайно обучать твой ум войне лавру, подожженному <?> Сатаной, чтобы на нашей родине было дано разрешение демонам, тем, которые нас побуждают <?> к совершению убийств. Тем, которые не могут быть побеждены иначе, как именем Иисуса Христа. Итак, следует вспоминать <?> чаще святое имя. / Долг наш, не амфибий <не Амфиона?>, путь через тени к свету. Победим, победим, победим радостно” (лат.). Записи также имеются и на лл. 2 и 16 (последняя датирована 23 октября).

послании, среди этих и других записей не обнаружено, но сама императивная стилистика их весьма напоминает. Справедливости ради добавим, что активизация “Lydia” не была связана с началом войны: в другом ивановском блокноте, заполнявшемся, судя по текстам, весной 1914 года, также содержатся ее “сообщения”.⁶

Обмен дружескими посланиями между Верховским и Ивановым начался, как давно показал А.В. Лавров, уже в 1907 году. Предшествующий такой контакт был по поводу сборника “Нежная тайна”, на присылку которого Верховский откликнулся краткими гекзаметрами. В своем ответном послании, написанном 22 февраля/7 марта 1913 года в Риме, Иванов признавался в том, что стихотворные эпистолы друга побуждают его к творчеству:

Милый, довольно двух слов от тебя, чтоб опять содрогнулся
Окрест тончайший эфир жизни дремлющих стран (IV, 11).

Теперешнее стихотворение Иванова было ответом на послание, датированное 4 сентября 1914 года и отправленное из Тифлиса, где поэт служил на Высших женских курсах:

Откликнись, друг! Услышать жаден я
И уж заранее невольно торжествую
Пред тем, как воспоет годину боевую
Душа звучащая твоя.

Порядок первых публикаций данных текстов полностью разрушал этот диалог в глазах читателей: Верховский свое стихотворение отдал в “Русскую мысль” только в 1916 году, где оно и появился во второй книге журнала, через год с лишним после ивановского.⁷ Добавим, что с дальнейшими перепечатками посланию Верховского повезло меньше, чем ивановскому ответу, заглавие которого с его законного места всего лишь почему-то переместились в комментарий. Послание Верховского было опубликовано М.Л. Гаспаровым в его учебном сборнике “Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях”, где было навскидку датировано 1915 годом и квалифицировано как возрождение “традиции элегических посланий”,⁸ и по этой публикации вошло в подготовленное

⁶ См.: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 3. Ед. хр. 25. Л. 12, 13, 52, 69.

⁷ Автограф, который, очевидно, получил Иванов от автора, см.: НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 42. Ед. хр. 23. Л. 7.

⁸ Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М., Высшая школа, 1993. С. 110-111, 112.

В. Калмыковой “собрание сочинений” Верховского “Струны” (2008).⁹ Меж тем, уже в 2003 году А.В. Лавров опубликовал это стихотворение, где в комментариях восстановил все обстоятельства диалога.¹⁰

Любопытно, что поводом для послания Верховского становится не начало войны, а первые победы русской армии:

Мне памятны ее <звучящей души> живые звуки
Во дни недавние бесстрашия и муки
Родных полунощных полков;
И ныне ли, когда их жребий не таков,
Когда венчает их величием победы
Судьба-звезда, какой не ведали и деды,
Не вырвется из пламенных оков
Всерасторгающее слово?

Судя по всему, под днями бесстрашия и муки Верховский имеет в виду так называемую Восточно-Прусскую операцию (17 августа – 15 сентября 1914), закончившуюся поражением русской армии, а строкой выше – неизвестную нам реакцию Иванова на нее. Не исключено, однако, что в качестве таковой он воспринимал третье стихотворение из цикла “На Оке – перед войной”, где описан именно ночной (“полуночный”) бивуак российских войск в Петровском-на-Оке (“Темнело. Мимошли. Привалом / Остановились над Окой”).¹¹ Но не будем сбрасывать со счетов и профессиональную начитанность Верховского в русской поэзии XVIII-XIX вв., где слово “полуночный” нередко означало “северный”, почему Россию называли “полуночной страной”, а Хомяков в одном из своих стихотворений назвал ее жителей “славянами полуночными”.

⁹ Верховский Ю. Струны: Собр. сочинений. М., Водолей Publishers, 2008. С. 509.

¹⁰ Лавров А.В. Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского. Приложение I. Стихотворные послания Юрия Верховского Вячеславу Иванову // Вячеслав Иванов – Петербург – мировая культура: Материалы Международной научной конференции 9-11 сентября 2002 года. Томск – М., Водолей Publishers, 2003. С. 219.

¹¹ Как уже говорилось, сам поэт простигал даты написания стихотворений этого цикла, однако седьмая тетрадь беловых автографов в римском архиве, которые ее открывают, имеет датировку “декабрь 1914” (URL: <<http://www.v-ivanov.it/archiv/op1-k05-p07-13.htm>>). Карандашный черновой автограф (“День тускнул. Мимошли. Привалом ...”), а также более близкий к концу вариант того же текста и его беловой автограф карандашом записаны в окружении стихотворений октября-декабря 1914 года (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 3. Ед. хр. 26. Л. 13, 14, 43; см. там же беловой автограф полного текста первого стихотворения того же цикла, “Когда колышет хвою и звезды ветерок...”, Л. 42).

Финал послания Верховского подспудно предлагал “Слово о полку Игореве” в качестве образца для отклика на военные события, в котором, несмотря на поражение заглавного военачальника, ему поется слава. Поэт нужен не для вдохновения на битву, а для славословия:

Под обаянием великого былого
Я верю: на Руси не надобен певец
На вызов славных дел; но сладок он для славы –
И нам в биении созвучном всех сердец,
И братьям-воинам, когда вернутся, здравы,
На лоно мира, наконец.

Черновой карандашный автограф послания Иванова к Верховскому, сохранившийся в архиве Пушкинского Дома, показывает, что к сонетной форме (хотя послание Верховского сонетом не было) Иванов пришел не сразу. Первый набросок выглядел так:

Не пел я долго; и теперь
Пою я мало.
Как было петь, когда одно в душе звучало:
“Молись и верь!”

Как было петь, когда разверзлась дверь
[Вселенского святилища] Алтарная и [всем] предстало
Причастие вселенское, <текст не закончен>¹²

Как видно, выбранную форму, Иванов не смог или не захотел сохранить уже на третьей строке, которая должна была бы распасться на две: “Как было петь, когда одно / В душе звучало”, – и чуть ниже начал стихотворение по-новому. Поэтому на том же листе и его обороте записан его полный текст, испещренный густой правкой, с любопытными разночтениями. Они нас здесь занимают меньше, однако отметим, что интенсивность правки может косвенным образом свидетельствовать о муках слова, аккомпанируя основной теме текста.¹³ Но мы знаем, что послание

¹² ИРЛИ. Ф. 607. № 118. Л. 102. Отметим попутно, что в окончательном тексте финальный стих первой строфы (“виждь, и верь!”) приобрел узнаваемо пушкинское звучание, ср. “и виждь и внемли”.

¹³ Скажем лишь о разночтении в строке “Века прошли с предлетней нашей встречи”. Дата этой встречи неизвестна, и даже самый факт нахождения Верховского весной 1914 г. в Москве пока ничем не подтверждается. В то же время в черновике строка читается так: “Прошли века, с [тех пор, как были вме<сте>] [мы] последней нашей встречи” (ИРЛИ. Ф. 607. № 118. Л. 102). Правда, варианты этого эпитета в другом черновом карандашном автографе на обороте наброска письма Иванова к Верховскому намекают на более определенные обстоятельства: “Прошли века с [последней] [весенней] [пред-

к Верховскому не было первым откликом на войну. Его красиво переписанный автограф в Римском архиве датирован 19 ноября 1914 (дата воспроизведена в брюссельском собрании),¹⁴ но днем ранее, 18 ноября, датировано стихотворение “Суд” (“В миру ль на вселенское дело...”), причем как в законченном черновике в Пушкинском Доме,¹⁵ так и в римской тетради с автографами, откуда дата попала в брюссельское собрание. Интересно, что еще раз послание к Верховскому было переписано на листе римского белового автографа, где располагается финал стихотворения “Суд”, так что обе даты – 19 и 18 ноября – наглядным образом соседствуют.¹⁶ Очевидно, говоря о том, что он теперь мало поет, Иванов может иметь в виду наличие всего только одного стихотворения “Суд”, которое, по удачной формулировке Х. Барана, “в значительной мере является стихотворным переложением ряда высказываний из речи Иванова “Вселенское дело” на октябрьском заседании Религиозно-Философского Общества”.¹⁷ Например, так, по мнению ученого, туда попала и комета (“В какую окраинную мету / Метнул Мировержец комету”), которую упоминает и Верховский в своем послании (“Судьба-звезда, какой не ведали и деды”).

“Молчал я, брат мой, долго...” и “Суд”, завершенные в соседние дни, очевидно, были связаны в поэтическом сознании Иванова. Это заметно, например, по упоминанию в обоих произведениях завесы тайны.¹⁸ Пушкинодомский автограф “Суда” на полях рукописи несет обозначение рифмовки для каждой из семи – они здесь пронумерованы – строф:

летней] [столичной] нашей встречи” (Там же. Л. 108 об., см.: *Обатнин Г. В. Из архивных разысканий о Вяч. Иванове // Русская литература. 2014. № 2, с. 270*). Позже Верховский не раз останавливался в квартире на Зубовском по пути из Тифлиса в Петербург.

¹⁴ РАИ. Оп. 1. Карт. 1. Папка 3. Л. 43; URL: <http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-1/p03-1914/op1-k01-p03-f43_molchal_ja.jpg>.

¹⁵ ИРЛИ. Ф. 607. № 118. Л. 105.

¹⁶ РАИ. Оп. 1. Карт. 5. Тетрадь 7. Л. 4; URL: <<http://www.v-ivanov.it/archiv/opis-1/karton-5/p07/op1-k05-p07-f04.jpg>>.

¹⁷ *Баран Х. Первая мировая война в стихах Вячеслава Иванова. С. 172.*

¹⁸ Возможно, та же тема отразилась в начале написанного на Рождество 1914 года стихотворения, которое (вместе с “Finis bellonaæ”) было опубликовано в известном сборнике “Клич” (1915) и вошло в “Свет вечерний”: “В ночи звучащей и горящей, / Бесшумно рухнув, мой затвор, / Пронизан славой тверди зрящей, / В сквозной сливаются шатер” (III, 556). Его третья строка полна прозрачных аллюзий на последнюю строфи тютчевского “Лебедя”.

В миру ль на вселенское дело,	a
На Таинство ль в Боге страстное	b
Отчизны соборное тело	a
Живущий в нем ангел подвиг?	<u>c</u>
Завеса – виденье дневное;	b
Едва в небесах потемнело, –	a
Развернется зренье ночное, –	b
И вспыхнет зияющий миг.	<u>g</u> ¹⁹

Эту рифмовку, которая в Национальном корпусе русского языка определена как вольная, можно истолковывать по-разному: как дериватив любимой Ивановым скользящей²⁰ или же как разновидность затянутой. Однако ясно, что для поэта формальная сторона его первого отклика на войну была важна не менее содержательной. Добавим к этому, что на следующий день после послания Верховскому, 20 ноября, он создает “Недугующим” и “Убеленные нивы” (IV, 714), которые также с ним перекликаются (ср.: “Крепко надейся, и веруй, / Что небывалое будет” (IV, 23)), так что дело наладилось. Черновики этих текстов, записанные одним и тем же тонким бледным карандашом, кучно лежат в бумагах Пушкинского Дома, возможно, сохраняя свой порядок на столе поэта.²¹

Все это заставляет нас внимательнее отнести к отброшенному началу послания к Верховскому. Поиск по Национальному корпусу русского языка на сочетание четырехстопного и двустопного ямбов с перекрестной рифмовкой мужских и женских рифм (Я4Я2МЖ) дал довольно любопытные результаты, но прежде чем перейти к их обсуждению, напомним, что таким же образом было написано стихотворение Иванова “Лилия” из сборника “Прозрачность”. Оно представляет собой воспоминание о неожиданной “встрече” с цветком:

Под Тибурном, в плющах руин,
Твой луч я встретил
И стебель долгий – и один
Тебя заметил.
И грезой, после многих лет,

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 607. № 118. Л. 107.

²⁰ Д.В. Сичинава относит Иванов к тем поэтам, “пристрастие которых к более длинным цепям статистически заметно”, и, в частности, пишет о “Чаше Св. Софии” (1 марта 1915) как о стихотворении, где обыгран прием сверхдлинной скользящей рифмовки (Сичинава Д.В. К описанию скользящей рифмовки у поэтов XX века // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. З. 2022. С. 153, 152).

²¹ ИРЛИ. Ф. 607. № 118. Л. 103, 105 об.

Зову, печален,
 Твой в полдень мне рассветший свет,
 Звезда развалин!
 Встань, на лазури стройных скал
 Души, белея
 И зыбля девственный фиал,
 Моя лилея! (I, 760)

Несмотря на то, что стихотворение вошло в “Библиотеку поэта”, оно не привлекло внимание ее комментатора, снабдившего его лишь указанием на первую публикацию. Меж тем стоило по крайней мере пояснить, что Тибурном здесь назван воспетый “тибурским певцом”, как Жуковский некогда назвал Горация, Тиволи, город в окрестностях Рима, причем именно в традиционной для русского языка огласовке латинского названия *Tibur* (по имени одного из его легендарных основателей Тибурна). Под руинами могут подразумеваться остатки находившейся там виллы Адриана.

Тем же сочетанием размеров написано “стихотворение на случай” М. Кузмина (сб. “Вожатый”), представляющее собой послание на ивановские именины с рассказом, какой именно цветок он дарит ему на этот праздник. Поэтому здесь находится узнаваемое ивановское словцо, вошедшее в название собранного им альманаха 1907 года “Цветник Ор: Кошница первая”:

Певцу ли розы принесу
 Цветов царицу?
 В каком саду, в каком лесу
 Сберу кошницу?
 Мои укромные поля
 В день именинnyй
 Сей цвет семейства миндаля
 Дарят невинный.
 Но розы уменьшенный вид,
 Хоть небогатый,
 Гласит: “Два дня – и прилетит
 Весны глашатай,
 Но помни: позднею порой
 В сентябрьской стуже
 Он принесет наряд второй,
 Ничуть не хуже”.

Март 1911²²

²² Кузмин М. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и прим. Н.А. Богомолова. СПб., Академический проект, 1996. С. 189.

Н.А. Богомолов, исчерпывающе прокомментировавший этот текст, указал, что “[о]тветом Иванова на это ст-ние является ст-ние “Жилец и баловень полей...”, входящее в посвященный Кузмину цикл “Соседство”.²³ Для нас же важно то, что в нем появляются лилии, которыми поэт отмечал свои именины, пока жил в Италии:

Жилец и баловень полей,
Где пел Вергилий,
Снопы цветущих миндалей
И белых лилий

На утро вешних именин,
В знак новолетья
Неотцветающих первин,
Привык иметь я.

А ныне сиротой живу
В kraю печальном:
Кто обовьет мою главу
Венком миндальным?

Ты, Рима сын, в урочный срок
Святого края
Несешь мне весть, как ветерок,
Былого рая! (III, 48-49)

Отметим в последних строках аллюзию на “Весеннее чувство” и/или “Невыразимое” В.А. Жуковского: весенний ветерок с его запахами как привет из прошлого; Жуковскому была не чужда и коммеморативная символика цветов (например, в стих. “Цвет завета”). В таком случае, лилии из стихотворения Иванова относятся к тому же разряду и отсылают к некогда найденному им цветку на развалинах виллы Адриана. Таким образом становится более ясным весь элегический настрой стихотворения “Лилия”, которое в этом случае, подобно ответу на послание Кузмина, тоже могло быть написано на именины 4 марта (1903 года?). В этом контексте упоминание в ответе Кузмину имени Вергилия расширяет список певцов Тибура – в “Энеиде” город появляется в перечне пяти знаменитых городов Лация, см.: “мощная Атина и гордый Тибур, Арdea с Крустумерием и башненосные Антемны” (“Atina potens Tiburque superbum, / Ardea Crustumericus et turrigerae Antemnae”; VII, 630-631).

Возможно, одной из причин отказа Иванова от первоначальной формы для послания Верховскому могло быть воспоминание об игривом

²³ Кузмин М. Стихотворения. С. 717.

стихотворном диалоге с “предателем” Кузминым. Кроме того, Национальный корпус русского языка напомнил, что эта форма была использована в “оперном” послании Е.А. Баратынского под названием “Вальбом Софии” (1824):

Мила, как Грация, скромна,
Как Сандрильона;
Подобно ей, красой она
Достойна трона.
Приятна лира ей моя:
Но что мне в этом?
Быть Королем желал бы я,
А не Поэтом.²⁴

Не приходится сомневаться, что Верховский, с университетской скамьи занимавшийся Баратынским и пронесший интерес к нему через всю свою жизнь,²⁵ осознанно воспользовался той же формой в послании Ф. Сологубу:

Куда, мучительный поэт,
Всё неуклонней
Меня ведет легчайший след
Твоих гармоний?
и т.д.²⁶

Думается, если бы Верховский получил послание Иванова в той же форме, ему легко было бы распознать как его салонный прототип, так и вспомнить уже опубликованный к тому моменту ивановский диалог с Кузминым, чего, видимо, и старался избежать поэт. Однако художественный текст, взятый во всех его вариантах, – это пучок отброшенных возможностей, которые могут быть далее реализованы в других текстах. Иванов вернулся к интонации наброска послания к Верховскому в

²⁴ Баратынский Е.А. Полное собрание сочинений / Под ред. и с примеч. М.Л. Гофмана. СПб., Изд. Разряда изящной словесности Императорской академии наук. 1914. Т. 1. С. 66.

²⁵ Наиболее полное описание этого обстоятельства биографии Верховского см. в комментариях к публикации его дружеского послания к Т. Цывловской: *lucas_v_leyden*. Юрий Верховский: Неизданное и несобранное – 2 // LiveJournal: [сайт], URL: <<https://lucas-v-leyden.livejournal.com/135271.html>> (дата обращения: 23.10.2022). Особо отметим здесь рекомендацию Ивановым кандидатуры Верховского для издания полного собрания сочинений Баратынского, первый том которого, но под редакцией другого ивановского близкого знакомца, вышел из печати как раз в 1914 году.

²⁶ Верховский Ю. Струны. С. 505. Опубликовано по автографу из архива Л. Горунгга.

пронзительном стихотворении “Психея-Мстительница”, написанном в январе 1915 г., где также затрагивалась тема поэтического молчания:

“Душа моя, Психея, пой!
Тебе я внемлю.
<...>
Душа моя, Психея, пой!
Мой Друг тоскует
Со мной, вдовцом, — и в мой покой
Тебя взыскует”
и т.д. (III, 549, 841)

В отличие от этого текста, группу стихотворений, представляющих первый отклик на войну, поэт не включил в “Свет вечерний”, возможно, из-за потери ими сиюминутной актуальности. Но “Психея-мстительница” он придавал куда более важное значение, приведя его в собственном немецком переводе в статье “Anima” (1935). Таким образом, это произведение входит в число значимых поэтических текстов Вяч. Иванова с неявным биографическим ключом.

Abstract

Toward the poetic response of Vyacheslav Ivanov upon the Imperialist war. The article deals with the poetic message of Vyacheslav Ivanov to Yury Verkhovsky, chronologically the second response of the poet to the beginning of the First World War. My attention was drawn to one of its manuscripts from the poet's archive at the Institute of Russian Literature in St.-Petersburg. The poem was begun by the writer in a different, immediately discarded, metrical form than the one in which the poem was subsequently published. I traced the tradition of this form in the works of Ivanov, Mikhail Kuzmin and Verkhovsky, as well as in the history of Russian poetry, and tried to find out the possible reasons for this behaviour.

Keywords: Vyacheslav Ivanov, Yury Verkhovsky, Mikhail Kuzmin, Evgeny Baratynsky, World War I, iambic meter, “poetic epistola”